

УДК 331,007,008

О КУЛЬТУРЕ И КОГНИТИВНОМ МЫШЛЕНИИ КАК ФАКТОРАХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Абдикеев Нияз Мустякимович,

д-р техн. наук, профессор, директор Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
Nabdikeev@fa.ru

Морева Евгения Львовна,

канд. экон. наук, доцент, заместитель директора Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
ELMoreva@fa.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу роли культуры как важного источника инновационной активности в современной экономике, а также определению когнитивных механизмов, посредством которых реализуются связанные с этой ролью функции.*

Исследование нацелено на то, чтобы показать новые шаги на пути теоретического осмысления культуры в экономике, а также попытки их использования в сфере хозяйственного управления и инновационного развития. При разработке культурной политики культура рассматривается во взаимосвязи с другими областями жизни, через которые она реализовывается, выступая в виде продукта человеческой и общественной жизнедеятельности в целом.

Ключевые слова: *культура; ценностный подход к культуре; инновационное развитие; коммуникация; информация; когнитология; когнитивное мышление.*

CULTURE AND COGNITIVE THINKING AS FACTORS OF INNOVATION DEVELOPMENT

Abdikееv N.M.,

Doctor of Technical Sciences, professor, Director of the Institute of industrial policy and institutional development, Financial University, Moscow, Russia
Nabdikeev@fa.ru

Moreva E.L.,

PhD in Economics, associate professor, deputy Director of the Institute of industrial policy and institutional development, Financial University, Moscow, Russia
ELMoreva@fa.ru

Abstract. *The article is devoted to analysis of the role of culture as an important source of innovation in modern economies, as well as identifying cognitive mechanisms by which implemented the function associated with that role. Study aims to reveal new steps towards the theoretical comprehension of culture in the economy, as well as attempts to use them in the area of economic management and innovative development. When developing cultural policies culture is viewed in conjunction with other areas of life, through which it is realized, speaking as the product of human and public in General.*

Keywords: *culture; value approach to culture; innovative development; communication; information; cognitive science; cognitive thinking.*

В поисках новых источников инноваций исследователи и практики стали все чаще обращаться к культуре. По этому поводу в последние десятилетия было выдвинуто немало разных концепций, предполагающих, соответственно, и различные экономико-политические курсы. Как таковая, постановка вопроса о культурной политике как составляющей стратегии инновационного развития свидетельствовала о признании проблемы на государственном уровне и попытках при государственном участии найти ее эффективное решение, т.е. обеспечить превращение культуры в источник инновационной деятельности.

Вместе с тем далеко не все упомянутые курсы являлись по-настоящему новыми. Установки на отношение к культуре как к разновидности общественного блага (как и к одному из секторов в цепочках стоимости) предполагали культурную политику, проводимую в большей или меньшей степени «по остаточному принципу» или реализуемую в рамках конкурентной. Уже имеющийся подобный практический опыт, однако, не давал оснований считать данные варианты успешным решением проблемы. Опыт многих стран, осуществляющих подобные курсы в рамках рыночной экономики, не приводил к ускорению их инновационного развития.

Иные перспективы открывались при разработке культурной политики на основе ценностного или близким к нему подходам. В них культура рассматривалась во взаимосвязи с другими областями жизни, через которые она реализовывалась, выступая в виде продукта человеческой и общественной жизнедеятельности в целом.

С одной стороны, это заставляло расширять рамки анализа и требовало рассматривать культуру в рамках единой социальной целостности. С другой — ставило вопрос об определении условий, когда выделение культуры в совокупности разных связей макро-, мезо- и микроуровней, а также управление ею становилось целесообразным.

В последнем случае практические возможности выделить культуру и управлять ее развитием как источником инноваций большинство аналитиков связывали с появлением новых технологий. К ним, прежде всего, относили Web 2.0 и другие подобные технологии, которые

начали стремительно развиваться в последние десятилетия XX в. [1].

Существенно интенсифицируя и повышая эффективность хозяйствования, они также позволяли участникам коммуникационных процессов лучше самовыражаться и активизировать свою творческую активность. Важная роль при этом отводилась изменениям контента, который опосредовал коммуникацию и также превращался в предмет целенаправленного воздействия со стороны общающихся сторон. Тем самым, он стимулировал коммуникационные связи, способствовал росту их масштабов, а вместе с ними — и увеличению производства знаний и инноваций.

При этом разные авторы по-разному объясняли механизмы такого превращения. Одни сосредотачивались на ценностных аспектах коммуникации. Осмысливая через нее свое назначение, субъекты полнее реализовывались в художественной деятельности, воплощали ее результаты на практике и обретали, таким образом, возможность объективировать их, получая их оценку у аудитории. Основу такого процесса «валоризации» составляла, как писали аналитики, напряженная работа субъекта по своему самовыражению, которая, с одной стороны, требовала от него немалых жертв, а, с другой — приносила ему выгоды: вызвала признание и приятие другими субъектами. Они как бы присваивали его работу, реализуя это по меньшей мере в эмоциональном и интеллектуальном планах.

В экономическом смысле специфика указанных усилий и своеобразие их результата позволяли рассматривать их как производство особого рода — «разделяемого» — блага, объединяющего работу субъекта («художника») и сотрудничество с ним его аудитории, признающей его усилия и, таким образом, сопричастной им.

Последнее не только подтверждало состоятельность творимого субъектом мира, но в условиях рынка обеспечивала, по мысли авторов, его доходы. При этом особое значение сторонники такого подхода придавали подаркам и дарениям как наиболее явно выражающим признание результата творческих усилий. Менее адекватными они называли государственные субсидии, поскольку те не предполагали непосредственного соучастия чиновников в производстве и потреблении «разделяемого» блага.

При этом, однако, исследователи в принципе не отрицали и иные схемы ценообразования на продукты художественного творчества. Речь шла лишь о более сложной картине места и роли культуры в современном экономическом развитии, чем в стандартном экономиксе, и о проблеме разработки инструментария для эффективного использования новых реалий [2].

Другая группа исследователей объясняла стимулирующее влияние культуры на инновационное развитие экономики усложнением информационных потоков в процессе развития коммуникации. Вместо однонаправленных, по Шеннону, они двигались по встречным направлениям, образуя, таким образом, взаимоусиливающиеся связи между участниками. С ними в обществе закладывались основы появления новых организационных структур — распределенных социальных сетей (peer-to-peer social network) и многосторонних хабов (multi-linked hubs), активизирующих инновации и позволяющих исследователям называть формирующуюся благодаря им новую экономическую модель моделью координированных социальных сетей, распределенных сетевых социальных рынков и т. п. [3]. В этой модели формирование сетей далеко не всегда являлось продуктом экономического развития, а выступало как реализация разного рода личностных устремлений, игрового поведения, составляющих инфраструктуру для появления новых знаний. Немалую роль для формирования этой инфраструктуры играл и двусторонний характер транзакций, который предполагал сложные процессы выбора при осуществлении субъектом своей творческой деятельности, — ведь этот выбор определялся уже не только/столько им самим, но и/сколько культурным выбором других участников сети.

В хозяйственной жизни распространение такого рода форм оборачивалось смещением акцента с предложения как драйвера экономики на распределение; усилением роли рыночного взаимодействия, поскольку продукт создавали и потребляли непосредственно в этом процессе; превращением прежде пассивных работников как объектов хозяйственных операций во все более активных, творцов нового и — инноваций. В новом качестве эти субъекты, с одной стороны, оказывались также все более самостоятельными по отношению

к организациям, институтам которых прежде вынуждены были безоговорочно подчиняться. С другой же стороны, хозяйственное положение самих участников коммуникационных процессов становилось все более демократичным, их прежнее разделение на стороны с сильной и слабой позициями ослабевало и подрывалось.

Таким образом, результат новых коммуникационных процессов в распределенных сетях оказывался не просто разновидностью интеллектуального продукта, с культурной, или символической, природой, который допускал многократное потребление, как это часто представляли в мейнстриме, но вызывал серьезные изменения всей общественно-экономической системы.

В ней новые коммуникационные связи позволяли интенсифицировать производство новых идей их участниками, сетевое взаимодействие способствовало быстрой и более эффективной адаптации их к практическим реалиям и далее — освоению на предприятиях.

Среди наиболее значимых направлений активизации инноваций аналитики выделяли появление их новых областей, подходов к работе с информацией, рост масштабов информационных потоков и снижение числа препятствий им; демократизацию форм деятельности производств с богатым культурным содержанием; активизацию влияния пользователей на культурные процессы производства (их автономизация); увеличение силы и многообразия их форм, пользователей, влияния; развитие креативности; усиление взаимных связей и интеграцию разных сфер (отказ от принципа: «наука для экспертов, а самовыражение для пользователей»); появление новых форм инвестирования.

Обобщая влияние этих новых направлений на экономическую жизнь, эксперты ОЭСР указывали на формирование новых бизнес-моделей, опирающихся на принципы децентрализованного творчества и обеспечивающих вовлечение в орбиту бизнеса все новых носителей инновационного потенциала и его реализацию при удержании создаваемой при этом добавленной стоимости [4].

Вместе с тем, как отмечали аналитики, появление новых структур и порядков заключало потенциал более широкого воздействия на разных уровнях хозяйствования. С ними исчезали основания для централизованного контроля

и управления, взамен которых возникали сложные взаимосвязи, спонтанно формирующие порядок. Их отличали взаимовыгодный характер и большая продолжительность действия, будь то подкрепленная финансово или связанная с другими основаниями. В этих условиях прежние крупные структуры были вынуждены трансформировать свои бизнес-модели, в том числе в части принципов целеполагания, подходов к оценкам внешней и внутренней среды, разработке и реализации стратегий, систем сбыта, рыночной коммуникации и производства, все более перенося последнее непосредственно в сферу рыночного взаимодействия.

Помимо крупных организаций, в хозяйственной практике активизировалась роль малого и среднего бизнеса, отдельных домохозяйств. Как бы вновь открывая рынок, они соучаствовали в создании его нового контента, действуя при этом не в качестве его неизменных участников, проводящих свои операции в установленных формах, но преобразуя их.

На арену общественно-экономической жизни начинали все заметнее влиять появляющиеся новые крупные многоуровневые структуры, способные лучше прежних решать проблемы неопределенности и риска. Также все сильнее становилось воздействие на нее «неэкономических» факторов. Росло число возможностей для появления производственных стимулов практически в любом звене новой, пока еще формирующейся системы.

На этом фоне усиления потенциала роста и развития новые структуры имели большие возможности преодолевать национальные рамки своих операций, приобретать международный (региональный/глобальный) размах [5].

Все это заставляло серьезно пересматривать прежние теоретические подходы, ставить под вопрос целесообразность сохранения прежних единиц экономического анализа, предполагающих микроэкономических субъектов с вертикальными организационными и управленческими связями.

Вместе с тем вставал и вопрос о том, насколько действительность подтверждает такие тенденции и, соответственно, основания для пересмотра концептуальных подходов. К этому аналитики подходили с осторожностью, признавая неочевидность полной замены систем. С одной стороны, речь шла о признании сохраняющихся различий между прежними, устояв-

шимися, рынками и новыми, о повторяющихся попытках рассматривать вновь создаваемые интеллектуальные продукты и собственность на них с позиции общественного блага, когда прежние системы стремились инкорпорировать в себя новые условия. С другой — о внутренних противоречиях новых становящихся систем, которым сопутствовали риски усугубления индивидуализма и фрагментирования культуры, обострения проблем безопасности, усиления цифрового разрыва, а отсюда — ухудшения качества контента, его деградации и, соответственно, ослабления основ инноваций.

Преодоление проблемы виделось авторам на пути управления развитием сетевых рынков и комплекса открытых систем в целом, когда прежним субъектам обеспечивали условия для эволюции на основе превращения культуры в неотъемлемый элемент их хозяйственной деятельности.

В попытках систематизировать эти направления и задать им единое научное основание исследователи обращались к эволюционной экономике, теориям сложных систем, игр, а также разного рода когнитивным концепциям, которые стремятся познать, понять, изучить и описать различными средствами (математическими, лингвистическими, программными) процедуры и функции, образующие естественный интеллект. Это является одной из основных целей когнитивной науки (когнитологии), занимающейся изучением мышления и всей интеллектуально-духовной деятельности под углом зрения компьютерной метафоры (аналогии человека познающего и технического устройства), компьютерного моделирования и имитирования. В этой связи важным представляется вопрос о том, как результаты развития когнитивной науки связаны с современным этапом развития интеллектуальной технологии [6].

Когнитология как синтетическая наука объединяет различные дисциплины и научные области, в частности, широко опирается на общественные науки. Целью ее является разработка идей и методов, позволяющих строить интеллектуальные системы, способные осуществлять интеллектуальную деятельность в разнообразных и сложных социальных условиях и прежде всего в экономической сфере.

Основные понятия когнитологии и когнитивного мышления:

Информационный подход является основой методологии когнитологии. Он рассматривает человека и его связи с миром с позиций информационных процессов: восприятия, преобразования, представления, хранения и воспроизведения информации и их влияния на поведение человека.

Компьютерная метафора в общем смысле описывает функционирование естественного интеллекта аналогично компьютеру в двух ракурсах: восприятие человеческих когнитивных механизмов как устроенных аналогично компьютеру и понимание функционирования мозга человека как устройства, работающего по определенным программам. В настоящее время наметился отход от столь прямолинейной трактовки компьютерной метафоры применительно к человеческому интеллекту. Вместе с тем компьютерная метафора во многом помогает в понимании работы естественного интеллекта. Изучение искусственного интеллекта является одним из важнейших этапов познания материальной природы психических явлений [7].

Когнитивные модели — это ментальные эвристические конструкции, которые используются для облегчения эмпирических исследований среды, процесса или объекта и коммуникаций в процессе этих исследований или иной деятельности (в данном контексте или на данной стадии понимания или познания).

Информация в когнитологии может быть определена как абстрактные знания и их отношения, которые могут быть моделированы, представлены, сохранены и обработаны в искусственных и естественных интеллектуальных системах. Когнитивный подход понимает под информацией не любые данные или сведения, но только те, которые могут быть интерпретированы человеком. Процесс когнитивной обработки информации можно представить в виде поэтапной модели, представляющей смысловое содержание этапов активизации когнитивных процессов при извлечении смысла из воспринимаемых сигналов или проявлений среды.

Познание в когнитивном подходе понимается как способность воспринимать и осваивать информацию из окружающей среды и внутренней среды организма с целью адаптации к реальности. То есть когнитивный подход рассматривает человека прежде всего как существо познающее.

Знания — результат процесса познания. Существует множество определений термина «знание». Когнитивный подход понимает под знанием всякую освоенную человеком информацию на уровне возможности ее использования в результате понимания. Проще говоря, знания — это воспринимаемая и осознаваемая информация, полезная в данном контексте.

Системное когнитивное мышление. Когнитивные процессы человека анализируются в их связях и взаимодействиях как друг с другом, так и с другими областями реального мира человека. Отталкиваясь от осознания важности системных механизмов когнитивных процессов и принципов синергетического мышления, можно сказать, что когнитивный подход рассматривает когнитивные процессы человека как системное свойство открытой самоорганизующейся социобиологической системы.

Нынешняя волна когнитивной революции отличается от рассмотренной в статье Дж. Миллера [8]. Она связана в большей степени с когнитивными подходами к пониманию и осознанию важности не только рациональной деятельности человека, социальных групп и компьютерных систем, но и к объяснению его эмоциональных проявлений и интуиции. Развитие когнитологии идет по пути все большего углубления в такие «нерациональные» области, как интуиция и креативность. Исследователи и люди из сферы практического менеджмента сегодня сталкиваются с необходимостью осмысления быстрых процессов нахождения решения, часто самопроизвольного; «вырастания» осмысленных результатов из хаотической, часто бессмысленной исходной информации; непредсказуемости хода развития через критические состояния; описания процессов упорядочения на макроуровне через беспорядок на микроуровне.

Сегодня можно говорить о динамичном развитии и внедрении в управленческую практику системного когнитивно-синергетического подхода, основанного на принципах нелинейного мышления. С его помощью специалисты стремятся понять взаимосвязь творчества и знаний, проанализировать закономерности их зарождения, усвоения и распространения среди субъектов разного, в том числе и микроэкономического уровня.

Важным способом достижения этих целей становится новая культурная политика, пред-

полагающая новые объекты экономико-политического воздействия, его цели и формы. Среди первых особое внимание предлагается уделять так называемым культурным (и/или креативным) индустриям, которые выступали в роли главного носителя культуры как своеобразной инфраструктурной технологии наравне с такими вариантами последней, как право, наука и рынки [9].

По характеру производства в них и их значению для всей экономики этот сектор не мог быть отнесен к традиционным отраслям. По мысли авторов, его следовало определять по тому, что в нем формировались новые культурные и экономические ценности, производились новые знания и формы социального взаимодействия, которые получали общественное признание и усвоение, будь то посредством рыночных механизмов или без них [10].

Чтобы эффективно раскрыть выявляющийся в этих индустриях инновационный потенциал, требовались масштабные экономико-политические действия, принципиально отличные и от прежней конкурентной политики, в равной степени касающейся всех сегментов производства, и от политики финансирования культуры как общественного блага. Связанные с широким развитием «культурных индустрий» цели распространения заключенных в них инновационных императивов на все общество и экономику обуславливали особое место курса на работу с этим сектором в стратегиях (нео)модернизации, экономического роста, активизации инноваций и промышленной политики.

Также в качестве составляющей такого рода стратегий развития новая культурная политика должна была касаться хозяйственного освоения сфер, которые традиционно не рассматривались как экономические и коммерческие, но в которых воплощались творческие начала культуры и могли создаваться (или создавались на деле) новые знания.

Вместе с тем, по признанию аналитиков, средства достижения такого рода целей оставались в основном слабо исследованными и разработанными. Среди них называли, прежде всего, развитие правовых институтов, предусматривающих гибкие нормы для работы с интеллектуальной собственностью; вопросы занятости; активизацию научно-технологической, налоговой деятельности и других на-

правлений, характерных для традиционной промышленной политики.

Важные новые перспективы использования связывают с образовательной политикой. В качестве составляющей промышленной политики она должна предусматривать разработку и применение новых разнообразных стимулов к обучению, подходящих для использования в социальных сетях и, в частности, развития их контента. Также большие ожидания возлагаются на использование цифровых средств, позволяющих обучающимся не только лучше общаться и вовлекать в этот процесс все большее число участников, но и усваивать, а также совершенствовать получаемые знания.

С применением такого рода инструментов ожидается расширение и демократизация цифрового пространства; создание условий, непосредственно стимулирующих рост новшеств и активизацию инноваций, а также укрепление и распространение обеспечивающих их институтов.

Выделяя новые направления культурной политики, исследователи также рекомендуют внимательнее анализировать и использовать уже имеющиеся и складывающиеся в хозяйственной практике новые формы. К ним, например, относятся случаи свободного использования интеллектуальной собственности, когда при соблюдении требований законодательства преодолеваются рамки операций отдельного провайдера. Весьма характерным при этом стало движение «Творческих сообществ» (Creative Commons movement), которые открыто распространяют продукцию интеллектуальной деятельности, не отрицая при этом ее коммерциализацию [11].

Особое внимание рекомендуется обратить на координацию развития науки и культуры, основанную на непосредственном общении, самовыражении и их взаимном обогащении [12].

Однако попытки сформировать эффективный экономико-политический курс в отношении культуры связаны с трудностями прогнозирования кумулятивных эффектов сочетания разных направлений воздействия на новые нарождающиеся формы (сетевые рынки, культурные индустрии, массовую электронную, или цифровую, грамотность), а также их интеграции с прежними хозяйственными структурами. Кроме того, исследователи обращают внимание на риски институциональных ловушек, связанных с неоправ-

данным переносом прежних норм воздействия на отраслевые структуры, на отношения к новой культурно-экономической реальности [13].

Анализ роли культуры как важного источника инновационной активности в современной экономике, а также определение когнитивных

механизмов, посредством которых реализуются связанные с этой ролью функции, нацелен на то, чтобы показать новые шаги на пути теоретического осмысления культуры в экономике и использовать инновации в сфере хозяйственного управления.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Potts J. Art & Innovation: An Evolutionary Economic View Of The Creative Industries. Arc Centre Of Excellence For Creative Industries And Innovation, Queensland University Of Technology, School Of Economics, University Of Queensland. Available at: http://education.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0017/1105721/art-innovation.pdf.
2. Klammer A. Doing the right thing: A value based economy. London, Ubiquity Press. 2017.
3. O'Connor J. The cultural and creative industries: a literature review. Gr. Br. Arts Council England, 2nd Edition, 2010, 104 p. Available at: <http://www.creativitycultureeducation.org/wp-content/uploads/CCE-lit-review-creative-cultural-industries-257.pdf>.
4. OECD Participative Web: User-Created Content (Working Party on the Information Economy): OECD, 2007. Available at: <http://www.oecd.org/sti/ieconomy/participativewebanduser-createdcontentweb20wikisandsocialnetworking.htm>.
5. Jackson W. Economics, culture and social theory. USA, Edward Elgar, Cheltenham, 2009.
6. Когнитивная бизнес-аналитика: учебник для MBA / под научной ред. Н. М. Абдикеева. М.: Инфра-М, 2011.
Cognitive business intelligence: tutorial for MBA [Kognitivnaya biznes-analitika] / ed N. M. Abdikeev. Moscow, Infra-M, 2011.
7. Анохин П. К. Философский смысл проблемы естественного и искусственного интеллекта // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 3. Когнитивные процессы М.: Когито-Центр, 2004. С. 301–319.
Anokhin P. K. Philosophical meaning problems of natural and artificial intelligence [Philosofskii smisl problem estestvennogo i iskusstvennogo intellekta] // Synergetika i psichologiya. Texti. Vipusk 3. Kognitivniye processi. Moscow, Cogito-Center, 2004, pp. 301–319.
8. Miller G. The Cognition Revolution: A Historical Perspective // *Trends in Cognitive Sciences*, 2003, vol. 7, no. 3, pp. 141–144.
9. Морева Е. Л. Креативность как инновационный фактор // Россия: тенденции и перспективы развития / Ежегодник. Вып. 12. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 455–460.
Moreva E. L. Creativity as innovation factor [Creativnost kak innovatsionnii faktor] // Rossiya: tendencii i perspektivi razvitiya / Ezhegodnik. Vip. 12 Ch. 2. Moscow, INION RAN, 2017, pp. 455–460.
10. Hartley J., Wen Wen, Siling Li H. Creative Economy and Culture: Challenges, Changes and Futures for the Creative Industries, SAGE Publications Ltd, 2015, 253 p.
11. Throsby D. The economics of cultural policy. Cambridge University Press, UK, 2010.
12. Bevolo M. The golden crossroads — multidisciplinary findings for business success from the worlds of fine arts, design and culture. Palgrave Macmillan, Houndsmills, 2010.
13. Морева Е. Л. К вопросу о культуре как экономическом факторе / В сб. «Инновационное развитие российской экономики» // Материалы VI Международного научно-практического форума. М.: МЭСИ, 2013. С. 275–282.
Moreva E. L. To the issue of culture as an economic factor [K voprosu o culture kak ekonomicheskome faktore] / V sbornike "Innovatsionnoye razvitiye rossiiskoi ekonomiki" // Materiali VI Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma]. Moscow, MESI, 2013, pp. 275–282.